

Кыргызстан: хрупкость государства и радикализация

Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 83
Ош/Бишкек/Брюссель, 3 октября 2016 г. Перевод с английского языка

I. Краткое содержание

Кыргызстан позиционирует себя как образец единственной парламентской демократии в Центральной Азии, однако существует ряд угроз его стабильности. Разделенное на кыргызов и узбеков по национальному признаку и на север и юг — по географическому, это государство погрязло в коррупции и не справляется с выполнением своих базовых функций, особенно с отправлением правосудия и охраной правопорядка. Его политические институты находятся в тяжелом положении: парламентские выборы в октябре 2015 года, хотя и сохраняли видимость приличий, были отмечены систематическим применением административного ресурса и нечестным партийным поведением, а грядущие президентские выборы 2017 года станут проверкой государства на сплоченность. Подрыв смертником автомобиля со взрывчаткой на территории китайского посольства в Бишкеке 30 августа высветил уязвимости Кыргызстана в области безопасности. Необходимо проводить профилактику радикализации и противодействовать этой растущей угрозе, для чего следует укреплять авторитет государственных институтов и более терпимо относиться к ненасильственным исламистам.

В отсутствие политического плюрализма, надежных государственных и экономических перспектив все больше граждан находят прибежище в религии. За постсоветский период ислам превратился в центральный фактор общественной жизни. Если в 1990 году в стране насчитывалось 39 мечетей, то сегодня их более 2300. Исламские организации гражданского общества, чье количество удвоилось с 2000 года, все чаще подменяют собой государство в оказании услуг. Они продвигают разные варианты ислама: одни из них толерантны, другие совсем нет. Частично заполняя собой вакуум, созданный слабостью и коррумпированностью государства, они занимаются в основном религиозными и социальными вопросами, и мало кто из них проявляет политическую активность. Тем не менее по мере углубления дестабилизации и религиозной радикализации возникает все больше пересечений между исламом и политикой. Дело не в том, что какая-то отдельная форма политического ислама оказалась на подъеме, а в том, что разные слои населения ассоциируют веру с идентичностью таким образом, что это способствует политической поляризации, либо же ищут в религии ответы на те вопросы, при решении которых государственные институты повернулись к ним спиной. Это может привести к возникнове-

нию более радикальных форм ислама, а в некоторых случаях и к насильственному экстремизму.

Многим этническим кыргызам импонирует националистическая идея, и они воспринимают религию как часть своей национальной идентичности. Государство признает умеренную ханафитскую богословско-правовую школу ислама, распространенную в Центральной Азии, а в салафизме усматривает угрозу. Между тем среди некоторых экономически и социально незащищенных кыргызов, разочаровавшихся в государстве и ищущих моральной поддержки, по-видимому, популярнее более радикальные версии ислама, которые зачастую импортируются в страну или спонсируются извне. Низкий уровень образования усугубляет восприимчивость к учениям так называемого нетрадиционного ислама, а безработица способствует духу неповиновения. Это также справедливо для многих этнических узбеков — граждан Кыргызстана, многие из которых плохо интегрированы в общество. Они недостаточно представлены в политике, государственном аппарате и силовых органах, где часто к ним относятся с предубеждением.

И кыргызов, и этнических узбеков часто притягивает к себе строгая трактовка ислама, и они в силу личных и общественных причин даже рассматривают для себя переезд в Сирию, отстраняясь от национальной повестки дня. Рост сильных религиозных настроений наблюдается и среди женщин обеих национальностей. Они находятся в еще более тяжелом социально-экономическом положении и подвергаются насилию в семье, и число тех из них, кто стремится в Сирию, увеличилось.

Хотя кыргызские националисты утверждают, что к экстремистскому исламу обращаются этнические узбеки — по политическим причинам и из желания отомстить за события 2010 года, когда более 400 человек, преимущественно узбеков, было убито во время резни на национальной почве, — все больше подтверждений находит тот факт, что к радикальным формам ислама тяготеют и узбеки, и кыргызы. Тысячи представителей обеих национальностей входят в ненасильственные исламистские организации, такие как объявленная вне закона «Хизб ут-Тахрир», однако некоторые тянутся к более насильственным идеологиям и объединениям.

По официальным данным, на стороне Исламского государства (ИГ) и других джихадистов в Сирии воюют сотни граждан страны. Социальные работники и общественные активисты рассказывают о многочисленных случаях, когда узбекские женщины и молодежь уезжают или собираются уехать (некоторые были задержаны). Как видно из обильной интернет-пропаганды, ИГ и его союзник «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) рассматривают Кыргызстан в качестве вербовочной базы.

ИГ не взяло на себя ответственность за инцидент в Кыргызстане, и атаку на китайское посольство связали с узбекской группировкой в Сирии в составе «ан-Нусры» и с уйгурскими сепаратистами. Силовые структуры регулярно заявляют о срыве планов заговорщиков из ИГ; источники в силовых структурах сообщают, что «Хизб ут-Тахрир» связана с планами этнических узбекских сепаратистов. Однако такие утверждения порой ничем не подкреплены и выглядят попыткой оправдать притеснение и без того маргинализированных слоев населения. Поскольку силовики в ходе многих своих операций используют тактику стрельбы на поражение, реальной оперативной информации мало. Наря-

ду с этим, подробно описаны пытки и вымогательство в милиции, особенно в южных областях.

Существующие тенденции, как минимум, внушают беспокойство. Подъем исламских организаций, берущих на себя оказание услуг, отражает неспособность государства выполнять базовые функции. Склонность многих кыргызов и узбеков и даже властей связывать вопросы веры с политической лояльностью и идентичностью усугубляет риск того, что религиозные споры и разногласия переплетутся с межэтническими трениями или будут использоваться для оправдания суровых мер, особенно в отношении узбеков. Слабость государства вкупе с межэтническими трениями может привести маргинализованных граждан Кыргызстана в запрещенные организации.

Вместо того чтобы замечать под ковер региональные и межэтнические противоречия, грозящие большими проблемами, правительство должно поощрять более открытое обсуждение сложных вопросов. Свертывание диалога с религиозными организациями и уголовное преследование тех, кто исповедует ислам вне узких одобренных государством рамок, — близорукая политика. Наоборот, нужно выстраивать отношения с религиозными лидерами, мужчинами и женщинами, этническими узбеками и кыргызами, чтобы сгладить различия, ведущие к радикализации, и перестать педалировать большую склонность узбеков к радикализации, по сравнению с кыргызами. Кроме того, государство должно отсекал требования, ведущие к нарушению прав женщин, меньшинств и детей.

II. Заполнение вакуума: религия в Кыргызстане¹

В постсоветский период ислам стал играть заметную роль в общественной и частной жизни. Количество зарегистрированных мечетей выросло за это время почти в 60 раз, причем одни из них строились местными бизнесменами, другие финансировались Турцией и Саудовской Аравией². Государство одобряет традиционную ханафитскую богословско-правовую школу ислама и самоуправляемый совет муфтията, с которым власти сотрудничают. В то же время правительство выражает обеспокоенность по поводу подъема нетрадиционного ислама, который называется по-разному (салафитский, фундаменталистский, арабский, ваххабитский) и прочно ассоциируется с поддержкой из Саудовской Аравии. В обществе бытует мнение, что распространение нетрадиционного ислама среди молодежи сопровождается утратой ею кыргызской национальной идентичности, и это будет иметь политические последствия³. В 2014 году в новой концепции государственной политики в религиозной сфере «экстремизм» был признан угрозой государству (см. ниже раздел V). В 2015 году МВД зарегистрировало 1945 экстремистов (среди них 7,4% женщин). Силовики заявляют,

¹ При подготовке брифинга исследования велись с октября 2015 года по апрель 2016 года во всех семи областях Кыргызстана и касались таких вопросов, как южные регионы, этнические сообщества и положение женщин.

² Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы, сайт президента.

³ Интервью Кризисной группы с бывшим высокопоставленным должностным лицом, Бишкек, апрель 2015 г.

что 508 мужчин, женщин и детей (из них 70% этнических узбеков и 24,9% женщин обеих национальностей) уехали в Сирию, однако в частных беседах признают, что эта цифра занижена⁴.

Реальная угроза со стороны салафизма (а точнее, воинствующих джихадистских формирований, связанных с ИГ) спорна, что усугубляется ненадежностью заявлений силовых структур и межэтническим расколом. Точно можно сказать только то, что религиозные объединения с разными идеологиями все сильнее заполняют вакуум, возникший из-за неспособности государства эффективно выполнять свои функции; религиозные вопросы привязываются к обострившимся после кровопролитных событий 2010 года противоречиям между кыргызами и узбеками (см. раздел III.A); а маргинализованные женщины обеих национальностей уходят в религию, пытаясь таким образом приспособиться к обстоятельствам. Хотя активность ИГ, возможно, пока невелика, оно, по всей видимости, рассматривает Кыргызстан как площадку для вербовки, в то время как ответные репрессии властей усугубляют напряженность.

А. Упадок светской власти

Социально-экономические факторы играют важную роль в росте как традиционного, так и более радикального ислама в Кыргызстане. По словам высокопоставленного представителя муфтията, радикальные группировки «вербуют там, где люди сталкиваются с угнетением и насилием, где есть социальная несправедливость и экономические проблемы»⁵. Религиозные лидеры, учителя и сотрудники силовых структур во всех семи областях называли национальной проблемой отсутствие возможности получить светское и религиозное образование и отмечали, что упадок государственных услуг и управления и этническая напряженность создают фон, на котором возникает радикализация. Существует дискриминация религиозной молодежи, даже выпускников вузов⁶. Из-за отсутствия реформ крепнет недовольство элитами, особенно среди молодого поколения, и люди становятся восприимчивее к критике властей.

После распада СССР социальная и физическая инфраструктура обветшала. Здравоохранение и образование не соответствуют требованиям времени, недостаточно финансируются и насквозь коррумпированы. Люди не верят находящимся в таком же состоянии милиции и судам⁷. Средняя месячная зарплата составляет 13 649 сомов (примерно 190 долларов), за чертой бедности живет

⁴ «В ЦА МВД КР состоялось заседание общественного совета по вопросам экстремизма и терроризма», пресс-релиз, 22 декабря 2015 г. В 2005 году женщины составляли 1,1% экстремистов. «508 кыргызстанцев находятся в зонах боевых действий», Вечерний Бишкек, 15 января 2016 г.

⁵ Интервью Кризисной группы, Бишкек, декабрь 2015 г.

⁶ Исследование Кризисной группы на местах среди имамов, женщин — религиозных и общественных лидеров, учителей, местных и высокопоставленных политиков, государственных служащих, аналитиков, студентов, научных работников, силовых структур, Баткенская область, Бишкек, Чуйская область, Иссык-Кульская область, Джалал-Абадская область, Нарынская область, Ошская область, Таласская область, октябрь 2015 г. — апрель 2016 г.

⁷ Доклады Кризисной группы по Азии: № 150, “Kyrgyzstan: The Challenge of Judicial Reform” [«Кыргызстан: сложности судебной реформы»], 10 апреля 2008 г., № 201, “Central Asia: Decay and Decline” [«Центральная Азия: разложение и упадок»], 3 февраля 2011 г.; брифинг по Европе и Центральной Азии: № 76 “Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory” [«Кыргызстан: неясная траектория»], 30 сентября 2015 г.

чуть меньше трети граждан шестимиллионной страны⁸. Программа развития ООН (ПРООН) оценивает ежегодный объем коррупции в 700 млн долларов (около 11% ВВП). Безработица, маскируемая сезонными, часто сельскохозяйственными работами и миграцией в Россию, по официальным данным достигла 8%, но на самом деле намного выше.

В ситуации, когда на заработки люди едут в России, в 2014 году денежные переводы составили 30,3% ВВП, однако в 2015 году в долларовом выражении они сократились на 25% из-за падения сома. По официальной информации, в России работают 458 660 человек, но эксперты предполагают, что реальное количество ближе к одному миллиону. Эта экономическая связь жизненно важна. «Нашу страну спасает миграция, — сказал социальный работник из Баткена, — но она же уничтожает семью как институт; детей-то оставляют здесь»⁹.

Плохо работающие органы власти и государственные институты не способны восстановить общественное доверие, пошатнувшееся в результате политического хаоса в 2005 году, когда был свергнут президент Аскар Акаев, и событий 2010 года. Там, где государство не справляется с оказанием важнейших услуг, эти функции берут на себя исламские организации¹⁰.

Как и другие бывшие республики СССР, после обретения независимости Кыргызстан пережил возрождение долго подавлявшейся национальной и религиозной идентичности. Однако вопрос национальной идентичности порождает трения в многонациональном государстве, а общей религиозной идентичности не достаточно, чтобы снять противоречия между кыргызами и узбеками, хотя и те, и другие все больше уходят в религию¹¹.

⁸ Чертой бедности считается доход в 31 573 сома (около 450 долларов) в год. «Уровень бедности в Кыргызской Республике», Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, июнь 2016 г.

⁹ «Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population)» [«Индекс численности бедных согласно национальным уровням бедности (в % от населения)»], Всемирный банк, 2014 г. «Итоги социально-экономического развития в январе 2016 г. представлены в ходе пресс-конференции», Национальный статистический комитет, 10 февраля 2016 г. «Break the Corruption Chain Campaign Starts in Kyrgyzstan» [«В Кыргызстане началась кампания „Разорви цепь коррупции“»], ПРООН, 9 декабря 2014 г.; «Информация об итогах социально-экономического развития Кыргызской Республики за 2015 год», Министерство экономики. «В Кыргызстане насчитывается более 200 тыс. безработных», Кабар, 25 марта 2016 г. «Migration and Remittances: Recent Developments and Outlook» [«Миграция и денежные переводы: последние изменения и прогноз»], брифинг по миграции и развитию № 26, Группа Всемирного банка, апрель 2016 г. «Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по странам гражданства)», Федеральная миграционная служба РФ, 5 апреля 2016 г. Около 39% мигрантов — женщины. Интервью Кризисной группы, Ош, март 2016 г.

¹⁰ Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 72, «Сирия зовет: радикализация в Центральной Азии», 20 января 2015 г.

¹¹ После распада Советского союза этнический, языковой и религиозный состав страны изменился. Согласно переписи 1989 года, этнические кыргызы составляли 52% жителей республики с населением 4,36 млн человек, русские — 22%, а узбеки — 13%. Русский был основным языком городского общения, кыргызский считали родным большинство этнических кыргызов. Русские жили преимущественно на севере и в крупных южных городах. Узбеки исторически селились в Ферганской долине, Ошской и Джалал-Абадской областях. По данным Национального статистического комитета, в 2014 году численность населения составляла 5,89 млн человек, из них: 72,8% кыргызов, 14,5% узбеков, 6,2% русских. Кыргызы и узбеки — мусульмане, а русские преимущественно православные христиане.

В. *Религия и местные проблемы*

Когда исламские организации берут на себя функции по оказанию услуг, это подчеркивает недостатки и ненадежность государства и имеет долгосрочные политические и социальные последствия. С 2000 года количество исламских организаций гражданского общества увеличилось более чем в два раза и перевалило за 2000. Одни из них придерживаются либерального видения будущего, другие же возглавляются людьми, выступающими за введение шариата (мусульманского права)¹². Обеспокоенность по поводу предполагаемого финансирования со стороны Саудовской Аравии частично использовалась, чтобы оправдать предложения об ужесточении контроля над сектором НПО¹³. Кризисной группе, тем не менее, не удалось выявить связи с группировками, пропагандирующими насилие. Некоторые НПО, хотя и не все, могут быть полезны для предотвращения роста экстремизма, однако усилия по построению инклюзивного гражданского общества должны быть частью более широкой политической стратегии.

Все больше семей предпочитают, чтобы даже с преступлениями разбирались местные или религиозные лидеры, а не милиция и суды¹⁴. Это свидетельствует о глубоком отсутствии доверия к государству, если не о его отрицании. Многие из тех институтов, которые заменяют собой государство, это местные НПО, чью работу очень ценит население. Однако некоторые из них имеют неясные источники финансирования и пропагандируют строгую салафитскую доктрину, в которой власти видят угрозу не только умеренной ханафитской исламской традиции, но и самому государству, которое не может контролировать ее развитие и охват. Человек, занимавший ранее высокий государственный пост, сказал: «Нас очень беспокоит видимая исламизация [...] К нам пришли все тенденции, все течения [...] Саудиты думают, что мы у них под крылом [...] Турки действуют на арабские деньги [...] Демократия дала исламистам шанс; я этого боюсь»¹⁵. В ходе проводившегося в 2013 году общенационального опроса руководителей НПО выяснилось, что 20% из них одобряют шариат, причем поддержка сильнее всего на юге¹⁶. Растущий интерес к мусульманскому праву и государственному управлению частично можно связать с распро-

¹² «Состояние и перспективы развития неправительственного сектора Кыргызстана. Отчет по исследованию», Ассоциация центров поддержки гражданского общества, 2013 г. «Неправительственные организации и процессы принятия решения органами власти», Национальный институт стратегических исследований Кыргызской Республики, 2014 г.

¹³ Интервью Кризисной группы с западным должностным лицом, Бишкек, декабрь 2015 г.

¹⁴ Интервью Кризисной группы, Бишкек, ноябрь 2015 г.

¹⁵ Интервью Кризисной группы с представителем ООН, бывшим высокопоставленным должностным лицом, Бишкек, ноябрь 2015 г., апрель 2015 г. Эмиль Насритдинов, Нургуль Эсенаманова, «Религиозная безопасность в Кыргызской Республике», Фонд Карнеги за международный мир, 2014 г.

¹⁶ «Состояние и перспективы развития неправительственного сектора Кыргызстана. Отчет по исследованию», Ассоциация центров поддержки гражданского общества, 2013 г. Наибольшая поддержка выявлена в Баткенской области (62%), Ошской области (44%) и Чуйской области (29%). 48% поддерживали «полностью», 24% были «скорее, не согласны». В исследовании 2016 года было установлено, что каждый шестой из руководителей 314 изученных НПО считает, что законы должны соответствовать шариату, а каждый третий не поддерживает демократию. Такие взгляды сильнее всего распространены среди более новых НПО. Медет Тюлегенов, «Гражданское общество Кыргызстана: как часто о нем говорят и чем оно становится?», АКIPress, 13 мая 2016 г.

страненным мнением, что медлительная, коррумпированная светская система не отправляет правосудие¹⁷. Исламская активистка, работающая с женщинами, сказала:

Люди видят, что нет никакой справедливости, и приходят к выводу, что найти ее можно только в Боге. Ислам устанавливает для них рамки поведения; говорит, как жить; что хорошо, а что плохо; задает направление. В реальной жизни этого теперь не найти, [они] чувствуют себя потерянными¹⁸.

Существует опасность того, что недовольство властями может размыть грань между общественно полезным исламским активизмом и экстремистскими идеологиями. Притягательность строгих трактовок ислама и запрещенных организаций в диапазоне от ИГ до ненасильственной «Хизб ут-Тахрир» в определенной мере связана с надеждой на то, что они наведут порядок, и такие настроения распространены не только среди маргинализованных слоев населения. Часть образованной городской молодежи, которую не удовлетворяет государство, тоже видит альтернативу в радикальном исламе. По словам университетского преподавателя, некоторые студенты поддерживают ИГ, сбрасывая со счетов его жестокость. Они, возможно, никогда не захотят перейти к насилию, но их молчаливая поддержка внушает опасения: «У меня есть [студенты], которые поддерживают [ИГ], восхищаются им и одобряют то, что оно делает. Они говорят, что эти группировки в конце концов наведут порядок. Они думают, что они сражаются за справедливость [...] пытаются создать справедливый и праведный мусульманский халифат»¹⁹.

С. Образование

Многие родители отправляют детей в религиозные школы из-за падения стандартов в государственной системе образования, коррупции и отмечаемой некоторыми людьми жестокости в школах, где процветает травля. Считается, что более молодые учителя просто купили свои дипломы. Пожилые и опытные учителя подходят к пенсионному возрасту, а из-за низкой зарплаты от 6000 до 7000 сомов в месяц (90–100 долларов) мало кто из выпускников хочет работать учителем²⁰.

Доверие между государственной системой и родителями разрушено. Многие родители хотят, чтобы религия и этика были включены в школьную программу и чтобы прекратилась дискриминация девочек, носящих платки. Все больше людей предпочитают не иметь ничего общего с системой. Религиозные

¹⁷ Доклад Кризисной группы «Kyrgyzstan: The Challenge of Judicial Reform», указ. соч.

¹⁸ Интервью Кризисной группы, Нарын, март 2016 г.

¹⁹ Интервью Кризисной группы с преподавателем политологии, Бишкек, октябрь 2015 г.

²⁰ «Некоторые ребята приходят в медресе сами, других приводят родители. Причины очевидны: они хотят исправить поведение и оградить детей от того плохого, что есть в светской школе [...] В школах происходит вымогательство и драки, даже девочки в этом участвуют [...] Школы их не контролируют». Интервью Кризисной группы с учительницей религиозной школы, Талас, март 2016 г. «Система образования находится в очень плохом состоянии; учителя неквалифицированы, потому что купили свои дипломы [...] Я действительно очень боюсь за наше будущее». Интервью Кризисной группы с учащейся религиозной школы, Баткен, март 2016 г. Интервью Кризисной группы с социальными работниками, Ош, март 2016 г.

лидеры подчеркивают важность и религиозного, и светского образования. Имам с севера страны сказал: «Качество образования в светских школах резко упало. Это надо менять, иначе все больше и больше родителей захотят отправить детей в медресе»²¹. Государству нужно найти способ помочь религиозным родителям и их детям понять ценность светского образования. Муфтият должен четко обозначить, что девочки заслуживают равных возможностей. Формальное снятие запрета на ношение платка в средних школах, который и так не всегда соблюдается, позволило бы укрепить соблюдение права религиозных женщин на образование.

D. Социальные и экономические факторы

На обществе отрицательно сказывается безработица, миграция и тенденция к сокращению числа работающих женщин. Дети экономических мигрантов часто остаются с родственниками, у которых не всегда хватает ресурсов, чтобы заботиться о них²². Социальный работник рассказал, что почти нет семей, которые избежали бы экономических трудностей:

В Ноокатском, Араванском, Баткенском и Лейлекском районах есть целые села, где почти в каждой семье как минимум два-три члена работают за рубежом. Они оставляют детей братьям, сестрам, родителям, и за ними никто не присматривает, не следит. Никто не занимается их поведением. Даже если родители здесь, в Кыргызстане, они не уделяют внимания детям. Они заняты тем, чтобы заработать на жизнь и содержать семью»²³.

Экономические возможности для молодежи — общенациональная проблема, затрагивающая в равной степени и кыргызов, и узбеков. Сменявшие друг друга правительства полагались на миграцию как на выход из сложившейся ситуации, прикрывая таким образом свою неспособность развивать экономику. У Кыргызстана нет ни технической базы, ни специалистов для быстрых улучшений. Но в кратко- и среднесрочной перспективе правительство и доноры должны сосредоточить усилия на мерах по удержанию детей в школах и повышению доступности технического и высшего образования.

Роль религии в жизни молодежи отражает неприятный выбор, который им приходится делать: никакой работы и дела, через которое можно было бы самоопределиться, либо хоть какое-то занятие и уважение авторитетной группы единомышленников²⁴. Правительство и доноры должны поддерживать ценную работу на местах тех религиозных организаций, которые придерживаются ненасильственных, недискриминационных взглядов. Они не заменят расширения экономических возможностей, но способны вобрать в себя молодежь, которую иначе привлекли бы радикальные идеи и запрещенные группировки.

²¹ «Учителя по-прежнему занижают оценки девочкам в платках». Интервью Кризисной группы с учительницей религиозной школы, Талас, март 2016 г. Интервью Кризисной группы, Каракол, Иссык-кульская область, март 2016 г.

²² Ирина Малоченко, «Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию: экономические и социальные последствия для традиционных обществ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана», брифинг по политике в области безопасности в Центральной Азии № 21, Академия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Бишкек, февраль 2015 г.

²³ Интервью Кризисной группы, Ош, март 2016 г.

²⁴ Интервью Кризисной группы с политиком, Бишкек, сентябрь 2014 г.

III. Прибежище в исламе: межэтнический раскол

Обе национальные группы ищут прибежища в религии, однако эта тенденция переплетается с напряженными отношениями между кыргызами и узбеками. На фоне глубокого межнационального и регионального раскола религиозных узбеков часто изображают как угрозу целостности государства. В то же время, поскольку в политике доминируют этнические кыргызы, ислам включается в «патриотическую» идентичность таким образом, чтобы оправдывать патриархальные кыргызские традиции. Светские узбеки считают, что наиболее жестких исламских взглядов чаще придерживаются новообращенные постсоветские кыргызы²⁵. Их идентичность имеет явно антизападный, антилиберальный оттенок, что перекликается с тенденциями в России и других странах бывшего СССР (хотя во многих из этих мест воплощением традиционных ценностей служит православная церковь). Права женщин попираются. При обсуждении социальной роли женщин звучат высказывания, что даже самые образованные из них, например судьи, должны сидеть дома²⁶.

Несмотря на разные причины, по которым кыргызы и узбеки, желая укрепить свою социальную и политическую идентичность, приходят к радикальным и экстремистским идеологиям, есть и общие черты. Вербовка этнических узбеков и кыргызов и женщин в целом происходит одинаково. Неофициальные джамааты (молельные группы), группы единомышленников, семья и социальные медиа — все это играет роль, а для узбекских и кыргызских мужчин еще и миграция²⁷.

В смещении президента Бакиева, южанина, и кровопролитии на национальной почве в 2010 году проявились линии разлома не только между кыргызами и узбеками, но и между севером и югом. Многие этнические кыргызы в обоих регионах согласны с тем, что среди узбеков присутствуют сепаратистские настроения, но к такой дихотомии примешиваются и другие аспекты. Кыргызы с севера часто подозревают кыргызов-южан в желании монополизировать власть; их элиты часто изображают тех как менее образованных и культурных, имеющих преступные наклонности и подпавших под влияние узбекской культуры. Многие кыргызов-южан возмущает такое отношение. Вместе с тем политики с севера и с юга нередко заявляют, что географическое разделение — это уловка, к которой прибегает некая третья сила, чтобы разрушить кыргызское единство. На практике же дихотомия проявляется в том, как политическая власть и, самое главное, пост президента переходят между северными и южными лидерами²⁸.

A. Этнические узбеки

Исламская идентичность имеет глубокие корни среди этнических узбеков Кыргызстана. Тем не менее некоторые кыргызы представляют религиозность узбеков как одну из форм инакомыслия и угрозу государству. Еще до 2010 года

²⁵ Там же. Интервью Кризисной группы с адвокатом, Араван, апрель 2015 г.

²⁶ Нурзада Тынаева, «Исхак Масалиев указал на феминизацию судебной системы Кыргызстана», K-News, 12 апреля 2016 г. В социальных медиа выкладывались видеозаписи, на которых кыргызские мужчины нападают на мигранток в России за то, что те встречаются с иностранцами.

²⁷ Брифинг Кризисной группы, «Сирия зовет», указ. соч.

²⁸ Брифинг Кризисной группы, «Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory», указ. соч.

отношения между государством и религиозными узбеками были напряженными²⁹. Несмотря на то что и этнические кыргызы, и узбеки являются последователями ханафитской школы, исторически их исламская идентичность развивалась по-разному³⁰. В 2010 году после смещения Бакиева Ош и Джалал-Абад охватила межэтническая напряженность, подогреваемая утверждениями, что узбеки хотят отделиться. В результате беспорядков погибли 470 человек, почти три четверти из которых были узбеками по национальности, и более 2800 домов, в основном узбекских, было уничтожено; при этом среди задержанных оказалось 75% узбеков. Роль силовых структур в беспорядках до конца не прояснена³¹. С тех пор узбеки, составляющие около 14,5% населения, под давлением произвола со стороны милиции, где служат в основном кыргызы, ушли из многих сфер общественной и политической жизни. Среди кыргызов постоянно звучат высказывания, что узбеки сами напросились на резню и что «патриотично настроенные» кыргызы помешали их отделению³².

Несмотря на общую веру, из-за враждебности кыргызские националисты не способны признать законные обиды узбеков и воспринимать их недовольство иначе как неблагодарность. Власти, которые поддерживают кыргызский националистический нарратив, тоже вносят свою лепту в поддержание идеи о том, что узбеки составляют отдельную категорию граждан, и ничего не делают для примирения народов. Советник президента сказал, что узбеки должны гово-

²⁹ Решающую роль в отношениях государства с религиозными узбеками сыграла гибель влиятельного узбекского имама Рафика Камалова из торгового города Кара-Суу неподалеку от Оша в августе 2006 года. Семейная мечеть является точкой притяжения этого района, густо населенного узбеками. Спецназ убил его в ходе антитеррористической операции несколько месяцев спустя после нападений в кыргызской и таджикских частях Ферганской долины, ответственность за которые была возложена на ИДУ. Насколько известно, родственники не подтвердили связей с «Хизб ут-Тахрир». В 2015 году Рашид Камалов, который занял место отца, был осужден по обвинениям в вербовке для ИГ и в других преступлениях. Нурбек Бекмурзаев, “Kyrgyzstan vs. the Islamic State: the capacity of the new concept of state policy in the sphere of religion to curb the threat of religious radicalism” [«Кыргызстан против Исламского государства: способность новой концепции государственной политики в сфере религии сдержать угрозу религиозного радикализма»], журнал PULS, Religion and Security in Central Asia, № 10 (2015), с. 7–10; «Кыргызстан: Приговор популярному имаму из Ошской области Рашоту Камалову ужесточен до 10 лет колонии», Фергана.Ру, 25 ноября 2015 г.

³⁰ Шошана Келлер так писала об экспансии царской России в Туркестан в XIX веке: «Ханства [...] отличались [от Казанского ханства] тем, что за несколько веков они превратились в интеллектуальные центры ислама. Несмотря на то что в регионе были кочевые группы туркменов, кыргызов и казахов, оседлое население [...] имело намного более тесные связи с иранской и арабской культурой, нежели с культурой тюркской степи». “To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917–1941” [«В Москву, а не в Мекку. Советская кампания против ислама в Центральной Азии в 1917–1941 гг.»] (Praeger, 2001 г.).

³¹ Доклад Кризисной группы по Азии № 193 «Погромы в Кыргызстане», 23 августа 2010 года; брифинг № 102, “Kyrgyzstan: A Hollow Regime Collapses” [«Кыргызстан: падение слабого режима»], 27 апреля 2010 г. “Report of the Independent International Commission of Inquiry into the events in southern Kyrgyzstan in June 2010” [«Доклад независимой международной комиссии по расследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года»], 3 мая 2011 г. «Где справедливость? Межнациональные столкновения на юге Киргизии в июне 2010 г.», Хьюман Райтс Вотч, 16 августа 2010 г.

³² «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике», утверждена указом президента 10 апреля 2013 г. На долю меньшинств приходится менее 6% личного состава милиции. Брифинг Кризисной группы, “Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory”, указ. соч.

ритель на кыргызском языке, если хотят быть частью общества, иначе они так и останутся на обочине, на низкооплачиваемых работах, превратившись в объект вербовки со стороны религиозных экстремистов³³. Других путей для предотвращения такой маргинализации не предлагается.

На фоне глубокой подозрительности этнические кыргызские силовики и некоторые политики опасаются, что узбеки попытаются отомстить за события 2010 года на юге и что в вере они находят моральное оправдание для непризнания легитимности государства. Ревностные кыргызские националисты эксплуатируют такие страхи. Высокопоставленный сотрудник органов внутренних дел из Оша сказал: «В 2012–2013 годах мы находили много листовок на узбекском, где говорилось: „Мы отомстим“ [...] Они хотят отомстить, и они радикализуются [...] Многие вступают в „Хизб ут-Тахрир“»³⁴. Однако он также признал, что если смотреть на ситуацию шире, то есть и более сложные аспекты: недостаточный уровень светского и религиозного образования, плохая экономическая ситуация, притеснение узбекской общины, что подрывает усилия, направленные на предотвращение экстремизма и борьбу с ним. Социальный работник упомянул разные факторы, стоящие за миграцией в Сирию:

В 2015 году был случай в Сузакском районе, когда задержали одну узбечку, которая пыталась уехать с четырьмя детьми. [...] она сказала, что едет в святую землю, где ее ждет муж. Еще она сказала, что ей пообещали 1000 долларов и что чем больше людей приведешь, тем больше денег получишь. А потом она сказала, что готова остаться в Кыргызстане, если кто-то найдет ей работу³⁵.

Из того, как сами узбеки объясняют свою радикализацию, становятся понятны причины, по которым исламское правосудие и государственное управление кажутся им привлекательной альтернативой, и они равно применимы к радикализирующимся этническим кыргызам: необразованность, безработица среди молодежи, бесправие в государстве, несправедливость и отсутствие законности. Этнический узбек-активист из Ошской области сказал:

В Араване задержали нескольких молодых людей, собиравшихся в Сирию. Когда говоришь с ними, понимаешь, что они потеряли связь с современным миром [...] оторваны от общества, и это вина общества и государства [...] Люди не верят правительству, потому что оно не интересуется их проблемами. [...] Положение женщин прискорбно: никакого образования, почти никакого опыта, полная зависимость³⁶.

Религиозные узбеки являются легкой мишенью для коррумпированных представителей власти. Госдепартамент США пишет: «Активисты сообщали, что в качестве жертв преследования сотрудники милиции выбирали уязвимых обвиняемых, от которых, по их мнению, можно было получить взятку. В частно-

³³ Интервью Кризисной группы, Бишкек, апрель 2015 г.

³⁴ Интервью Кризисной группы, Ош, март 2016 г. Женщина — религиозный лидер из Оша, беседа с которой состоялась в том же месяце, сказала: «Почти все в „Хизб ут-Тахрир“ узбеки [...], потому что там хотят [...] халифат. [Узбекам] не нравится наше общество, они лезут в политику, они не признают наше государство».

³⁵ Интервью Кризисной группы, Джалал-Абад, март 2016 г.

³⁶ Интервью Кризисной группы, март 2016 г.

сти, такая тактика применялась в отношении этнических узбеков, обвинявшихся в преступлениях, связанных с хранением запрещенных религиозных материалов». Недовольство властями среди узбеков сопровождается страхом и неприятием, в целом не характерными для маргинализованных и незащищенных кыргызов. «Бюрократия и государственные структуры нелегитимны, — отметил узбекский предприниматель. — Люди недовольны отсутствием справедливости в государстве и ищут правды в религии. Они считают, что если власти не могут их защитить, надо защищаться самостоятельно»³⁷. Нарратив о том, что узбеки более склонны к радикализации и враждебно настроены по отношению к государству в силу своей национальности, мешает замечать рост радикализации среди этнических кыргызов; к тому же это ведет к закреплению вредных национальных и региональных стереотипов.

В. Радикализовавшиеся кыргызы

Этнические кыргызы, подверженные радикализации и экстремистским идеям, часто, хотя и не всегда, относятся к экономически неблагополучным слоям населения. Финансовые стимулы могут играть определенную роль в желании присоединиться к запрещенной организации или уехать в Сирию, но они не имеют решающего значения. Политики, которые заявляют, что люди уезжают из-за денег, игнорируют первопричины, по которым радикальные доктрины становятся привлекательными³⁸. Высокопоставленный сотрудник министерства внутренних дел связал скачок наблюдаемой религиозности с ощущением политической, социальной и экономической несправедливости, усугубляемой желанием вести ответственную, высокоморальную жизнь. Однако, подчеркнул он, это еще не прямая дорога к воинствующему джихадизму или экстремизму. «Многие международные организации описывают свои лекции и проекты в терминах борьбы с „воинствующим экстремизмом“, но у нас нет воинствующего экстремизма, подобного терроризму во Франции. Нам нужно противодействовать экстремизму, — отметил он, — потому что [это] идеологическая база воинствующего экстремизма. Я бы попросил организации тратить деньги на вещи, в которых мы нуждаемся[: на профилактику] в контексте наших реалий»³⁹.

Лидер женского религиозного сообщества и учительница в медресе сказала, что, по ее мнению, «многие утратили надежду, не видят никакого будущего, думают, что им уже нельзя помочь. Многие кыргызы, которые ушли в религию, бедны и не могут расплатиться с долгами. Религиозность помогает им относиться к своему финансовому положению как [к воле Бога]». Безработная женщина, которая изучает ислам в группе, выдвинула другой мотив: «Сегодня все продается и покупается. Люди вроде нас, без денег, без связей, не могут конкурировать. Эта жизнь — борьба, а я готовлюсь к следующей»⁴⁰. В такой обстановке возникают опасения, что из-за недостаточного светского образования и скудных возможностей трудоустройства незащищенные верующие могут стать легкой добычей вербовщиков с более радикальной повесткой. Мусуль-

³⁷ Доклад о правах человека в Кыргызской Республике за 2015 год. Интервью Кризисной группы, Ош, 4 апреля 2016 г.

³⁸ Брифинг Кризисной группы, «Сирия зовет», указ. соч.

³⁹ Интервью Кризисной группы, Бишкек, декабрь 2015 г.

⁴⁰ Интервью Кризисной группы, Бишкек, декабрь 2015 г., Нарынская и Иссык-кульская области, март 2016 г.

манский активист, работающий во влиятельной НПО, которая дает возможность изучать религию и консультирует тех, кто готов вступить в запрещенные организации, добавил:

Поскольку очень многие приходят к исламу, этим пользуются радикальные организации [...] и подстраивают свою методику вербовки. [...] Люди, которые хотят изучать ислам, часто не знают, чем отличаются школы ислама, и когда кто-то начинает их учить, они думают, что это и есть сущность [ислама ...] когда люди уже вступили в такие группы, их трудно вернуть⁴¹.

По словам государственного советника по делам религий, именно молодежь наиболее склонна рассматривать ислам как альтернативную политическую идентичность и потенциальную систему управления страной. Представители властей по-разному реагируют на это. Одни политики в частных беседах критикуют его растущее социальное и политическое влияние, другие же считают, что он демонстрирует кыргызам «правильный образ жизни»⁴².

IV. Прибежище в исламе: гендерные вопросы

У кыргызок и узбечек есть много общих с мужчинами причин искать в исламе идентичность и жизненную модель, однако при этом они сталкиваются с дополнительными проблемами. В то время как мужчины могут приступать к изучению религии, пользуясь услугами официальных, зарегистрированных имамов и медресе, у женщин гораздо меньше вариантов⁴³. Жительницы сельских районов и представительницы семей с консервативным укладом чаще всего не имеют работы, не могут получить светское образование и даже выйти из дома без разрешения. Мысль о том, что в них может присутствовать любознательность или философский интерес к духовным вопросам в основном не находит отклика среди религиозных лидеров — мужчин⁴⁴.

Посещение молельных групп или групп по изучению ислама способно дать жизненно важную поддержку, а для некоторых женщин это единственный способ делать что-то вне дома. Порой они используют религию, чтобы дистанцироваться от сложной ситуации или насилия в семье и сильного социального давления традиционных общин.

Молельные группы и группы по изучению ислама способны стать источником жизненно важной поддержки для бедствующих женщин. Так, женская группа на севере страны, которая тесно сотрудничает с муфтиятом и получает финансирование от западных правительств, выдает ежемесячное пособие на

⁴¹ Интервью Кризисной группы, Талас, 17 марта 2016 г.

⁴² Интервью Кризисной группы, Бишкек, сентябрь 2014 г. «Ислам распространяется не только на юге, но и по всему Кыргызстану. Мне нравится, что ислам демонстрирует людям правильный образ жизни и подает хорошие примеры для подражания [...] Если в будущем появится исламская партия, я ее поддержу, потому что я мусульманин». Интервью Кризисной группы с членом парламента от партии «Ата-Журт», Бишкек, март 2015 г.

⁴³ Государство не признает дипломы медресе. Медресе сильно различаются по источникам финансирования и программам. Одни из них бесплатны, в других берут около 1000 сомов (14 долларов) в месяц на питание.

⁴⁴ Интервью Кризисной группы с европейским дипломатом, Бишкек, апрель 2016 г.

детей в размере 40 долларов. Ее лидер смотрит на положение дел реалистично: «Многие приходят за пособием. Они не могут уйти, потому что думают, что мы перестанем платить на детей, а 40 долларов — это неплохо, на еду и одежду». Религиозный лидер, работающий в Оше с женщинами обеих национальностей, назвал финансовую незащищенность главной причиной того, что женщины, особенно брошенные с детьми из-за миграции, являются «легкой мишенью — им же нужно кормить детей [...] Женщины оставлены без защиты, их права попорчены, а духовная жизнь разрушена». Государству, добавил он, нечего им предложить⁴⁵.

Давление и тяготы повседневной жизни повышают восприимчивость некоторых женщин к призывам переехать в Сирию. Так, в 2014 году одна узбечка собралась уехать туда из Оша. По ее словам, она устала от своего мужа, который не следовал обычаям ислама и бил ее. Еще одна женщина из ее молельной группы сказала, что в Сирии происходит кровопролитие и война, но на то воля Бога, и если ее дети там погибнут, им найдется место в раю. Обе собирались воспользоваться коррумпированностью местных органов власти, чтобы получить паспорта⁴⁶.

А. Насилие в семье и права женщин

Муфтият и органы государственной власти должны объединить усилия для того, чтобы положить конец формальным, но незарегистрированным бракам и бракам с детьми. Когда бракосочетание (никах) проходит в мечети с участием имама, женщина не получает ни юридического статуса, ни защиты для детей, ни собственности, которые она приобрела бы в официальном браке. Ее могут бросить и мгновенно с нею развестись. «Когда пары разводятся, а это происходит часто, женщина остается ни с чем», — сказал социальный работник⁴⁷. Кроме того, неформальный сельский совет должен быть обязан сообщать о насилии и сексуальных преступлениях в отношении женщин и детей.

Власти и муфтият должны осудить похищение невест, когда женщин и девушек увозят, иногда насилуют и принуждают к замужеству. Такая практика незаконна, но очень распространена; о ней редко заявляют в милицию, а еще реже по факту возбуждается дело, и несмотря на все утверждения, это отнюдь не исконный обычай. Насилие в семье достигает жутких масштабов. Часто женщины не знают о своих правах, а милиция в ходе расследования ведет себя бесцеремонно⁴⁸. Исследование динамики в семьях этнических кыргызов на юге выявило тревожное обстоятельство, что старшие женщины участвуют в ограничении прав и свобод более молодых женщин в семье. Руководитель

⁴⁵ Интервью Кризисной группы, Нарын, март 2016 г.; Ош, 29 марта 2016 г.

⁴⁶ Брифинг Кризисной группы, «Сирия зовет», указ. соч.

⁴⁷ Интервью Кризисной группы, Ош, 30 марта 2016 г.

⁴⁸ «Вызывайте, когда будет убивать», Хьюман Райтс Вотч, октябрь 2015 г. «Женщины даже не знают, что могут написать письмо в правоохранительные органы [...] Многие приходят к нам, потому что попытались и не получилось. Одной стало так плохо от постоянных побоев мужа, что она пожаловалась в милицию. Его [...] быстро отпустили, после того как он дал им денег и пригласил на обед. Он вернулся домой и избил ее так, что она стала инвалидом. Коррупция в правоохранительных органах вынуждает женщин быть жертвами». Интервью Кризисной группы с социальным работником, Джалал-Абад, март 2016 г.

убежища для женщин сказала, что «бывают случаи, когда свекрови [так сильно] бьют молодых невесток, что те оказываются в больнице»⁴⁹.

Женщины — религиозные лидеры, политики и аналитики предостерегают, что угнетение и насилие, с которыми женщины сталкиваются дома, являются значительной причиной того, что они ищут выход в религии, и это порой приводит их в радикальные и экстремистские объединения. В Кыргызстане им мало что доступно, кроме радикальных, неофициальных молельных групп и запрещенных организаций, которые пользуются их затравленностью, необразованностью и нищетой. Правительство и доноры должны поощрять общедоступность светского и религиозного образования. Местные НПО, уже работающие с религиозными женщинами и девочками, особенно выиграли бы от увеличения донорской помощи. Религиозные женщины говорят, что их дискриминируют, исключают из светского общества, а муфтият их игнорирует. Духовному управлению мусульман Кыргызстана следует снова открыть отдел по работе с женщинами. Такие отделы действуют неофициально в некоторых областях, но их полномочия в сфере принятия решений ограничены. Бывшая сотрудница одного из таких отделов на юге объяснила:

Я занимаюсь женщинами, так что я не совсем сотрудник казии [территориальной структуры]. Мне не платят, и я не влияю на работу казии [...] Было глупостью закрывать женские отделы. Женщины играют огромную роль в исламе у нас в стране. Это не хотят признавать. Мы спасли множество женщин от экстремизма и Сирии. С женщинами работают женщины. Отдел закрыли, потому что не хотят, чтобы женщины были лидерами; не хотели платить крошечную зарплату в 3000 сомов [46 долларов] женщинам⁵⁰.

Мечети рассчитаны только на мужчин. Ситуацию могли бы исправить женские комнаты или отдельные мечети с женщинами-имамами, а также центры отдыха и изучения ислама для религиозных женщин, где можно оставить детей под присмотром на время занятий. Такие услуги позволили бы снизить привлекательность неофициальных молельных групп и запрещенных группировок и риск «случайной радикализации женщин»⁵¹.

V. Связи с ИГ и прочими субъектами

Власти открыто признают, что боятся политического потенциала салафизма. У «Хизб ут-Тахрир», хотя эта организация и запрещена, тысячи членов обеих национальностей на севере и юге страны. Она декларирует намерение мирно перейти к халифату, но кыргызские власти заявляют, что она связана с другими террористическими организациями, включая Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и ИГ. После подрыва автомобиля со смертником на территории

⁴⁹ Обзорное гендерное исследование для программы «Развитие малого и среднего бизнеса в Алае и Чон-Алае», исследовательская компания ПИЛ, 2015 г. Интервью Кризисной группы, Джалал-Абад, 31 марта 2016 г.

⁵⁰ Интервью Кризисной группы, Ош, март 2016 г.

⁵¹ «Нам нужны мечети и намазханы (молельные комнаты) для женщин, так как бывало, что мужчин злило, когда женщины читают намаз в мечети». Интервью Кризисной группы с учащейся религиозной школы, Баткен, март 2016 г.; с должностным лицом Европейского союза, Брюссель, май 2015 г.

китайского посольства 30 августа на первый план вышла угроза безопасности со стороны узбекской группировки, связанной с «ан-Нусрой» и уйгурскими сепаратистами.

По всей видимости, «Хизб ут-Тахрир» не занимается вербовкой в Сирию, но есть обоснованные опасения, что она (как и «Джамаат Таблиг») иногда невольно становится ступенью на пути к джихадистским группировкам и экстремистскому насилию либо молчаливо одобряет его⁵². Как и в других государствах Центральной Азии, в Кыргызстане «Хизб ут-Тахрир» считается экстремистской организацией, связанной с воинствующими организациями, а ее члены — политической угрозой и угрозой безопасности. Связывание ее с воинствующими группировками, такими как ИДУ, а теперь и ИГ, служит тактикой для ее дальнейшей демонизации.

Свое первое пропагандистское видеообращение к кыргызским мусульманам с целью вербовки ИГ опубликовало в июле 2015 года — неделю спустя после крупной, но прошедшей при неясных обстоятельствах антитеррористической операции в Бишкеке. Боевик, говорящий по-кыргызски без акцента, призвал мусульман переезжать в подконтрольные ИГ районы Сирии и Ирака и присоединяться там к джихаду, чтобы потом бросить вызов кыргызским властям. Власти и муфтият немедленно отреагировали, разослав профилактические материалы во все мечети страны⁵³.

Кыргызские силовые структуры 6 сентября заявили, что им удалось идентифицировать смертника, подорвавшего автомобиль на территории китайского посольства: им оказался этнический уйгур из Исламского движения восточного Туркестана (ИДВТ). Однако организатором преступления были названы связанная с сирийской «ан-Нусрой» организация «Таухид ва Джихад» и один из ее руководителей 26-летний этнический узбек, уроженец Кара-Суйского района Ошской области Сирожиддин Мухтаров. По словам высокопоставленного сотрудника министерства обороны, в конце 2015 года «Таухид ва Джихад» почти на 100% состояла из этнических узбеков плюс совсем немного этнических кыргызов из северных областей, так как после кровопролитных событий в Оше в 2010 году организация закрыла свои двери для этнических кыргызов-южан⁵⁴.

⁵² Интервью Кризисной группы с экспертом в области религии, Кыргызстан, сентябрь 2014 г. Основанная в 1926 году в Индии организация «Джамаат Таблиг», не призывающая к насилию, запрещена во всех государствах Центральной Азии, кроме Кыргызстана. «Хизб ут-Тахрир» — не призывающая к насилию организация, провозглашающая создание халифата; запрещена во всех пяти странах. Их доктрины противоречат концепции национального государства и светской конституции Кыргызстана. Алекс Алексиев, «„Таблиги Джамаат“: невидимый легион джихада», <http://www.strana-oz.ru/2003/5/laquotabligi-dzhamaatraquo-nevidimyy-legion-dzhihada>.

⁵³ В результате спецопераций в Бишкеке и селе Лебединка 16 июля были убиты шесть боевиков и еще семеро были задержаны. В Бишкеке подозреваемые оказали сопротивление: прогремели взрывы, произошла перестрелка из автоматического оружия, стороны бросали друг в друга гранаты. Жертв среди гражданского населения не было. Власти заявили, что боевики принадлежали к ИГ. «Ликвидированные в Кыргызстане террористы были боевиками ИГИЛ», Вечерний Бишкек, 16 июля 2015 г. «ИГИЛ впервые опубликовал „послание народу Киргизии“», Клоор.kg, 26 июля 2015 г. «Сариев призвал общественность сообща бороться с экстремизмом и терроризмом», кыргызская служба Радио Свободная Европа / Радио Свобода (РСЕ/РС), 28 июля 2015 г.

⁵⁴ ИДВТ сейчас известна как Исламская партия восточного Туркестана. «Таухид ва Джихад» также известна как «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» и «Катибат ат-Таухид валь-Джихад»,

Насколько известно, Мухтаров был помощником имама мечети Нариман в Кара-Суйском районе; он получил религиозное образование в Сирии, вернулся в Кыргызстан, а потом опять уехал в Сирию воевать. Вышеупомянутый сотрудник сказал, что в группировке есть этнические уйгуры, которые в паспортах записались как узбеки. У этой организации в Сирии есть уйгурское крыло, но его члены зачастую слишком молоды и неопытны и быстро погибают, добавил он. Высокопоставленный сотрудник МВД усомнился в лояльности группировки «Таухид ва Джихад» «ан-Нусре», отметив, однако, что у них общие цели с ИГ и ИДУ — все они хотят создать халифат в Ферганской долине⁵⁵.

Большую часть последнего десятилетия ИДУ ограничено присутствовало на юге Кыргызстана и пребывало в спящем режиме. Недавно некоторые его члены объявились в Центральной Азии в качестве вербовщиков и посредников, помогающих тем, кто хочет попасть в Сирию. Нет никаких доказательств того, что этим занимаются члены «Хизб ут-Тахрир». Они вместе с членами ИДУ иногда ходят в одни и те же мечети на юге, но о существовании между ними формальных организационных связей ничего не известно. Более тревожными являются связи между ИДУ и ИГ. По всей видимости, Сирия дала новую цель ИДУ и его ответвлениям. ИДУ связывают давние, но теперь испортившиеся отношения с афганским «Талибаном». В 2015 году ИДУ отказалось признать нового лидера «Талибана» — Ахтара Мансура. На опубликованной телеканалом «Фуркан» видеозаписи человек, в котором можно узнать духовного лидера ИДУ шейха Мухаммада Али, стоя перед черным флагом ИГ, присягнул на верность ИГ. Несколько дней спустя лидер ИДУ Усман Гази заявил, что «„Талибану“ нельзя доверять», и на другом видео он вместе с бойцами присягнул ИГ и его лидеру Абу Бакру аль-Багдади⁵⁶. Несмотря на то, что ИДУ разделено на более мелкие группировки, одни из которых связаны с ИГ, а другие, действующие неподалеку от Таджикистана, — с «Талибаном», киргизские силовики говорят о том, что не стоит преуменьшать исходящую от движения угрозу.

VI. Реакция государства на религию

Как говорилось выше, из-за многообразия форм вероисповедания перед кыргызским правительством стоит задача отделять те из них, что представляют собой настоящую угрозу государству (связаны с воинствующими организациями), от тех, что просто отличаются от санкционированной государством версии ислама. Правительство же, по-видимому, не хочет или не может вникать в ню-

а раньше организация называлась «Джаннат Ошиклари». «ГКНБ: Установлены организаторы и исполнители взрыва в посольстве Китая в Бишкеке», АКИpress, 6 сентября 2016 г. Интервью Кризисной группы, Бишкек, декабрь 2015 г.

⁵⁵ Там же. Интервью Кризисной группы с сотрудником МВД, декабрь 2015 г.

⁵⁶ “Islamic Movement of Uzbekistan’s spiritual leader, Sheikh Muhammad Ali formally pledges loyalty to the Islamic State” [«Духовный лидер Исламского движения Узбекистана шейх Мухаммад Али официально присягнул на верность Исламскому государству»], видео, 31 июля 2015 г., https://ia801304.us.archive.org/31/items/0021_Ramazonda2/0021_Ramazonda2.m4p. “IMU spells out grievances with Afghan Taliban” [«ИДУ выразило недовольство афганским „Талибаном“»], Ганзара — афганская служба РСЕ/РС, 4 августа 2015 г. “IMU declares it is now part of the Islamic State” [«ИДУ объявило о присоединении к Исламскому государству»], там же, 6 августа 2015 г.

ансы и идет по пути недоверия и подозрительности в отношении большинства верующих, исповедующих ислам не ханафитского толка. Усилия по предотвращению радикализации и воинствующего экстремизма сводятся на нет плохим и бестактным воплощением, как в случае с баннерами в Бишкеке, на которых негативно изображались женщины в парандже. Сотрудники МВД и милиции из отделов по борьбе с терроризмом и экстремизмом говорят, что их работе мешают структурные проблемы в рядах ведомства: культура безнаказанности, коррупция и ограниченность ресурсов⁵⁷.

На выборы 2015 года ислам повлиял в минимальной степени, но его значение, скорее всего, вырастет за пятилетний парламентский цикл. Несмотря на то что по конституции религиозным партиям и объединениям запрещается преследовать «политические цели», отношение к этому меняется. Представители властей и политики демонстрируют двойственное отношение к связи ислама с национальной и политической идентичностью. Ряд политиков прибегают к религиозным жестам, чтобы улучшить свою репутацию, а силовики преследуют религиозные и этнические меньшинства. Правительство представляет салафизм монолитной угрозой, не признавая его многообразия, и поэтому ограничивает взаимодействие с салафитами, что само по себе ошибочно⁵⁸.

В 2014 году правительство разработало концепцию политики в религиозной сфере, одобренную муфтиятом и закрепляющую ханафитскую богословско-правовую школу ислама как основу национальной исламской идентичности⁵⁹. Однако в ходе подготовки документа правительство не проводило консультаций ни с заинтересованными сторонами, ни с гражданским обществом, а цели концепции, связанные с реформированием религиозного образования, повышением компетенций и противодействием радикализации, достигнуты лишь частично, в том числе из-за нехватки финансирования, отсутствия необходимой законодательной базы и политической воли. Не все заинтересованные лица знакомы с принятым в июне 2015 года планом действий по реализации концепции, крупные задачи которого включают в себя усовершенствование преподавания религии в светских школах и расплывчатое желание улучшить

⁵⁷ Интервью Кризисной группы с высокопоставленными сотрудниками силовых структур, Бишкек, 11 декабря 2015 г., Ош, март 2016 г., http://zanoza.kg/doc/341553_milicia_ishet_hyliganov_sorvavshih_banner_kayran_elim_kayda_baratabyz.html.

⁵⁸ “International Religious Freedom Report for 2013 – Kyrgyz Republic” [«Доклад о свободе вероисповедания в мире за 2013 год: Кыргызская Республика»], Госдепартамент США, 28 июля 2014 г. Специальный доклад Кризисной группы, “Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State” [«Эксплуатация хаоса: „Аль-Каида“ и Исламское государство»], 14 марта 2016 г. Мушфиг Байрам, Джон Кинахан, “Kyrgyzstan: Religious Freedom Survey, November 2014” [«Кыргызстан: исследование свободы вероисповедания. Ноябрь 2014 г.»], Occasional Papers on Religion in Eastern Europe, том 35, выпуск 1, 2015 г.

⁵⁹ Заирбек Бактыбаев «Государство взялось за религию», РСЕ/РС, 4 февраля 2014 г. Религиозный экстремизм описывается как «приверженность к насилию, к радикальным действиям, направленным на неконституционное изменение существующего строя, нарушение целостности и безопасности государства, общества и личности с использованием религиозной риторики». «Концепция государственной политики», указ. соч. В марте 2014 года Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в своих комментариях отметило «нечеткость, присущую таким терминам как „религиозный экстремизм“, а также риск чрезмерного ограничения прав человека и основных свобод, не связанного с насилием, ввиду широкого значения этого термина». Бюро порекомендовало «использовать [...] понятия терроризма и насильственного экстремизма и четко отделить эти понятия от религии (религий) и религиозной деятельности как таковой».

государственную политику⁶⁰. Ни в первом, ни во втором документе не предлагается решения проблем, стоящих перед религиозными женщинами, возможности которых повлиять на муфтият сократились, с тех пор как в 2014 году там закрыли соответствующий отдел. Местные имамы по-разному смотрят на права и роль женщин, но мало кто из них обращает внимание на то, что их интересы никак не представлены в муфтияте⁶¹.

Силовые структуры способны как улучшить, так и усугубить ситуацию для доноров и реализации концепции. Хотя некоторые сотрудники и в руководстве, и на местном уровне понимают первопричины радикализации, знают передовой международный опыт и специфику своих регионов, их усилия подрываются жестокостью, коррупцией и нехваткой финансирования в силовых ведомствах, а также представлением о неханафитских школах как о враждебных и создающих угрозу⁶². Они не могут поменять систему изнутри.

VII. Заключение

Нищета, миграция множества людей, вынужденных уезжать, чтобы содержать семью, и снижение способности государства справляться со своими функциями подрывают веру в демократию. Частично в ответ на происходящее все больше людей ищут в исламе политическую идентичность и источник власти. Многие из них при этом сталкиваются с изоляцией и дискриминацией. К религиозным узбекам относятся крайне подозрительно; у религиозных женщин обеих национальностей очень мало выбора. Из-за жестких трактовок ислама также нарушаются права детей обеих национальностей. Сложившиеся условия благоприятны для радикальных группировок, которые отрицают идею национального государства, в частности для «Хизб ут-Тахрир», и для тех, которые пропагандируют насилие, например ИГ.

Наиболее эффективным было бы искать политических решений, направленных на то, чтобы привлечь на свою сторону население и сузить пространство, в котором действуют экстремисты. Разумнее идти по пути предотвращения конфликтов и построения мира, вместо того чтобы формулировать ответ в терминах борьбы с воинствующим экстремизмом, что может оттолкнуть нуждающиеся в помощи сообщества людей и дать предлог для репрессий в случае, если примирение не состоится. Можно предпринять следующие шаги: расширить политические консультации с лидерами общин, в том числе с узбеками, женщинами и аполитичными салафитами; воссоздать отдел муфтията по работе с женщинами; меньше ущемлять интересы общин, которые склонны поддерживать или молчаливо одобрять экстремистские идеологии.

⁶⁰ Интервью Кризисной группы с экспертом в области религии, Бишкек, апрель 2016 г.; с высокопоставленным сотрудником МВД, Бишкек, января 2016 г. Планом действий предусматривается потребность в донорском финансировании. «Утвержден План действий по реализации Концепции государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014–2020 годы», Государственная комиссия по делам религий, 26 июня 2015 г. «Свобода религии или убеждений ниже международных стандартов: Государственная политика в Казахстане, дискреционная защита в кыргызской Республике», Норвежский Хельсинкский комитет, декабрь 2014 г.

⁶¹ Интервью Кризисной группы, Бишкек, февраль 2016 г.; Нарын и Джалал-Абад, март 2016 г.

⁶² Интервью Кризисной группы с сотрудниками силовых структур, Бишкек, январь 2105 г.; Ош, март 2016 г.

Кыргызстан и его партнеры должны решать такие проблемы, как высокий уровень безработицы, низкий уровень образования и несоблюдение принципа верховенства права, потому что государство, не справляющееся со своими базовыми функциями, не может быть стабильным. Необходимо противодействовать коррупции и моноэтничности в органах внутренних дел, особенно на юге, чтобы восстановить доверие узбекского меньшинства. Подобные меры, даже если на их реализацию потребуется много времени, не менее, а то и более важны для снижения риска насилия вследствие религиозной радикализации, чем меры по обеспечению безопасности. Они являются условием для предотвращения экстремизма в Кыргызстане. Однако для их осуществления нужны политическая воля и скоординированные действия муфтията, органов власти, милиции и двух не имеющих представительства групп: узбеков и женщин. Пока Бишкек не определился с политической волей, особенно важно, чтобы международные партнеры настаивали на профилактических действиях, направленных на инклюзивность, сейчас, вместо того чтобы прибегать к жестким силовым мерам потом.

Такая траектория не выглядит многообещающей, но надо с чего-то начинать, например с честного обсуждения прав женщин и этнической неоднородности. Доноры должны помогать, делая акцент на проектах по созданию новых рабочих мест и равных возможностей в образовании. Для снижения привлекательности радикальных идей и экстремистских организаций еще до того, как к ним потянутся потенциальные новобранцы, правительство и доноры должны прикладывать дополнительные усилия к сотрудничеству с умеренными, авторитетными исламскими организациями и прочими лицами, включая аполитичных салафитов, которые сейчас ведут очень полезную работу на местах.

Ош/Бишкек/Брюссель, 3 октября 2016 г.

Приложение А. Карта Кыргызстана

Приложение Б: Доклады и брифинги Кризисной группы по Европе и Центральной Азии с 2013 года

As of 1 October 2013, Central Asia publications are listed under the Europe and Central Asia program.

Special Reports

Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State, Special Report, 14 March 2016 (also available in Arabic).

Seizing the Moment: From Early Warning to Early Action, Special Report N°2, 22 June 2016.

Ukraine

Ukraine: Running out of Time, Europe Report N°231, 14 May 2014.

Eastern Ukraine: A Dangerous Winter, Europe Report N°235, 18 December 2014.

The Ukraine Crisis: Risks of Renewed Military Conflict after Minsk II, Europe Briefing N°73, 1 April 2015.

Russia and the Separatists in Eastern Ukraine, Europe and Central Asia Briefing N°79, 5 February 2016.

Ukraine: The Line, Europe Briefing N°81, 18 July 2016.

Central Asia

Kazakhstan: Waiting for Change, Asia Report N°251, 30 September 2013.

Water Pressures in Central Asia, Europe and Central Asia Report N°233, 11 September 2014.

Syria Calling: Radicalisation in Central Asia, Europe and Central Asia Briefing N°72, 20 January 2015 (also available in Russian).

Stress Tests for Kazakhstan, Europe and Central Asia Briefing N°74, 13 May 2015.

Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory, Europe and Central Asia Briefing N°76, 30 September 2015.

Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats, Europe and Central Asia Briefing N°78, 11 January 2016.

The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade, Europe and Central Asia Report N°240, 20 July 2016 (also available in Russian).

Uzbekistan: In Transition, Europe and Central Asia Briefing N°82, 29 September 2016.

Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation, Europe and Central Asia Briefing N°83, 3 October 2016.

Balkans

Serbia and Kosovo: The Path to Normalisation, Europe Report N°223, 19 February 2013 (also available in Albanian and Serbian).

Bosnia's Dangerous Tango: Islam and Nationalism, Europe Briefing N°70, 26 February 2013 (also available in Bosnian).

Bosnia's Future, Europe Report N°232, 10 July 2014.

Macedonia: Defusing the Bombs, Europe Briefing N°75, 9 July 2015.

Caucasus

Abkhazia: The Long Road to Reconciliation, Europe Report N°224, 10 April 2013.

The North Caucasus: The Challenges of Integration (III), Governance, Elections, Rule of Law, Europe Report N°226, 6 September 2013 (also available in Russian).

Armenia and Azerbaijan: A Season of Risks, Europe Briefing N°71, 26 September 2013 (also available in Russian).

Too Far, Too Fast: Sochi, Tourism and Conflict in the Caucasus, Europe Report N°228, 30 January 2014 (also available in Russian).

Chechnya: The Inner Abroad, Europe Report N°236, 30 June 2015 (also available in Russian).

North Caucasus: The Challenges of Integration (IV): Economic and Social Imperatives, Europe Report N°237, 7 July 2015 (also available in Russian).

The North Caucasus Insurgency and Syria: An Exported Jihad?, Europe Report N°238, 16 March 2016 (also available in Russian).

Cyprus

Divided Cyprus: Coming to Terms on an Imperfect Reality, Europe Report N°229, 14 March 2014 (also available in Greek and Turkish).

Turkey

Blurring the Borders: Syrian Spillover Risks for Turkey, Europe Report N°225, 30 April 2013.

Crying "Wolf": Why Turkish Fears Need Not Block Kurdish Reform, Europe Report N°227, 7 October 2013 (also available in Turkish).

The Rising Costs of Turkey's Syrian Quagmire, Europe Report N°230, 30 April 2014.

Turkey and the PKK: Saving the Peace Process, Europe Report N°234, 6 November 2014 (also available in Turkish).

*A Sisyphean Task? Resuming Turkey-PKK
Peace Talks*, Europe Briefing N°77,
17 December 2015 (also available in Turkish).
*The Human Cost of the PKK Conflict in Turkey:
The Case of Sur*, Europe Briefing N°80, 17
March 2016 (also available in Turkish).

International Crisis Group

Headquarters

Avenue Louise 149, 1050 Brussels, Belgium

Tel: +32 2 502 90 38. Fax: +32 2 502 50 38

brussels@crisisgroup.org

New York Office

newyork@crisisgroup.org

Washington Office

washington@crisisgroup.org

London Office

london@crisisgroup.org

Regional Offices and Field Representation

Crisis Group also operates out of over 25 locations in Africa, Asia, Europe, the Middle East and Latin America.

See www.crisisgroup.org for details

PREVENTING WAR. SHAPING PEACE.